

школа

А.В.Коротаев, А.И.Жданов
КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ
ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ
Опыт систематического обзора¹

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

Андрей Витальевич Коротаев — доктор исторических наук, профессор, директор Центра изучения стабильности и рисков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института Африки РАН. Для связи с автором: akorotayev@gmail.com.

Андрей Игоревич Жданов — стажер-исследователь Центра изучения стабильности и рисков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: aizhdanov@edu.hse.ru.

Аннотация. В статье представлен систематический обзор результатов тестирования политических факторов революционной дестабилизации в работах, отнесенных авторами к пятому поколению исследований революций. Показано, что, согласно проведенным к настоящему времени количественным кросс-национальным исследованиям, одни и те же политические факторы могут по-разному влиять на вероятность начала вооруженных восстаний, с одной стороны, и невооруженных революционных выступлений — с другой. Рассмотренные авторами исследования демонстрируют, что проведение выборов увеличивает риски именно невооруженной революционной дестабилизации. Эффект диффузии в современном мире характерен больше для невооруженных, чем для вооруженных революций. Равным образом продолжительное пребывание первого лица у власти служит триггером скорее невооруженных, чем вооруженных выступлений. В свою очередь вооруженные революционные столкновения особенно часто возникают в странах с гетерогенным этническим и религиозным составом, где значительная часть населения исключена из политики по этнорелигиозным основаниям. То же самое относится и к странам, проводящим политику направленной дискриминации меньшинств. Вместе с тем существуют и факторы, чье влияние касается всех типов революционной дестабилизации. Вероятность как вооруженных, так и невооруженных революций наиболее высока в странах с политическим режимом, занимающим промежуточное положение между

полной автократией и полной демократией, то есть в частичных автократиях и частичных демократиях. И вооруженные, и невооруженные революции более вероятны там, где в недавнем прошлом уже были аналогичные события (при этом вооруженные революционные выступления увеличивают вероятность новых вооруженных восстаний, а невооруженные — новых невооруженных протестов).

Ключевые слова: революции, политические факторы революционной дестабилизации, количественный анализ

Введение

² См., напр. Goldstone 2014; Goldstone, Grinin, and Korotayev 2022a.

³ Lawson 2019: 247–248.

⁴ Goldstone 2014; Albrecht and Koehler 2020: 5.

⁵ Голдстоун 2006; Lawson 2019: 49; Goldstone, Grinin, and Korotayev 2022b.

⁶ Kurzman 2004: 117.

По оценке ряда исследователей современной политики, мы живем в новую эпоху революций². Важность изучения революций заключается в том, что, во-первых, при помощи революций осуществляются преобразования тех или иных социальных порядков, а также построение новых политических систем, во-вторых, посредством революций происходит апробация теоретических концепций, своего рода проверка их на практике, в-третьих, революции способствуют изменению представлений о природе возникновения и развития массовых социальных движений³.

Вместе с тем нельзя упускать из вида сложность феномена революций, обусловленную, с одной стороны, эмерджентным характером революционных событий, а с другой — многофакторностью революций, то есть необходимостью резонанса нескольких движущих сил для возникновения революционной ситуации⁴. К изучению факторов возникновения революций и революционных движений обращались многие авторы, что нашло отражение в четырех поколениях теорий революции⁵.

Безусловным достоинством имеющихся на сегодняшний день исследований причин революционной активности является рассмотрение всей совокупности социальных, экономических, политических, исторических и иных факторов, теоретически способных выступать в качестве детерминант революционной дестабилизации, начиная с доли молодежи и заканчивая наличием революций в прошлом. В то же время заключения различных ученых относительно направления влияния и значимости тех или иных факторов заметно расходятся. Усилия исследователей факторов революций, добавляющих все больше и больше переменных и проводящих все новые и новые статистические тесты, обернулись тем, что современная политическая наука столкнулась с проблемой «многомерного конъюнктурализма»⁶.

Соответственно, для построения робастной теории возникновения революций требуется переосмыслить существующие теоретические постулаты и протестировать их надежность на основе актуальных данных о революциях в XX—XXI вв. Однако перед этим необходимо систематизировать эмпирические результаты предыдущих исследований и выявить закономерности влияния тех или иных факторов на вероят-

ность революционной дестабилизации путем подсчета, в каком числе статистических моделей (в первую очередь это различные типы регрессионного анализа) рассматриваемый показатель (независимая переменная) принимает одно из четырех значений — положительно значимый (коэффициент показателя больше нуля, p -value меньше 0,05), положительно незначимый (коэффициент показателя больше нуля, p -value больше 0,05), отрицательно незначимый (коэффициент показателя меньше нуля, p -value больше 0,05), отрицательно значимый (коэффициент показателя меньше нуля, p -value меньше 0,05).

Количественные кросс-национальные исследования революционной дестабилизации мы склонны относить к пятому поколению исследований революции⁷. Его главными отличительными чертами являются опора на глобальные базы данных революционных событий, широкое использование современных методов количественного анализа, а также представление о том, что для вооруженных и невооруженных революционных событий характерны принципиально разные факторы, структура и последствия.

Отметим, что многие представители пятого поколения исследователей революций предпочитают называть невооруженные революционные выступления ненасильственными максималистскими кампаниями. При этом «кампания» определяется как «серия наблюдаемых, непрерывных, целенаправленных массовых тактик для достижения политической цели»⁸. Более того, в их работах рассматриваются кампании «с целями, которые воспринимаются как максималистские по своей природе: смена режима или национальное самоопределение»⁹. Иначе говоря, речь идет об изучении «серии наблюдаемых, непрерывных, целенаправленных массовых тактик», нацеленных на фундаментальное изменение политического порядка.

Однако подобным образом понятая максималистская кампания, по сути, идентична революции, о чем свидетельствуют распространенные определения последней, например: «Революция — это коллективная мобилизация, направленная на быстрое и насильственное свержение действующего режима с целью трансформации политических, экономических и символических отношений»¹⁰; «Революция — антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: (1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; (2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти определенных сил; (3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов»¹¹; революция есть «попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть»¹². Характерно, что в базе данных Эрики Ченовет *Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes (NAVCO)* кампаниями названы все беспорные революции начала XX в., включая

⁷ О предыдущих четырех поколениях см., напр. Goldstone 1980, 2001; Голдстоун 2006; Lawson 2019: 48–72; Beissinger 2022: 31–38; Goldstone, Grinin, and Korotayev 2022b.

⁸ Chenoweth and Stephan 2011: 14. См. также Ackerman and Kruegler 1994; Stephan and Chenoweth 2008.

⁹ Chenoweth and Stephan 2011: 68.

¹⁰ Lawson 2019: 5.

¹¹ Голдстоун, Гринин и Коротаев 2022: 109.

¹² Голдстоун 2006: 61.

русские революции 1905—1907 и 1917 гг., Конституционную революцию в Персии, Синьхайскую революцию в Китае, Мексиканскую революцию 1910—1917 гг. и др.¹³ Таким образом, результаты исследований максималистских кампаний вполне релевантны при выявлении закономерностей влияния тех или иных факторов на вероятность революционной дестабилизации.

Отметим также, что многие авторы, пишущие о ненасильственных кампаниях/революциях, de facto имеют в виду *невооруженные* протесты. Как убедительно показывают Мухаммад Али Кадивар и Нейл Кечли, участники большинства так называемых ненасильственных максималистских кампаний в достаточно серьезных масштабах прибегали к насилию¹⁴. Здесь можно вспомнить хотя бы Египетскую революцию 2011 г. или «Евромайдан» 2013—2014 гг., которые Ченовет вполне уверенно квалифицирует именно как ненасильственные максималистские кампании¹⁵. В связи с этим в дальнейшем мы будем использовать деление революционных выступлений на вооруженные и невооруженные.

В настоящей статье представлен систематический обзор результатов, полученных в рамках пятого поколения исследований революций применительно к *политическим факторам* революционной дестабилизации.

¹³ *Chenoweth and Shay 2020.*

¹⁴ *Kadivar and Ketchley 2018.*

¹⁵ *Chenoweth and Christopher 2020.*

¹⁶ *Davies 1962; Gurr 1974.*

¹⁷ *Shaheen 2015: 7–8.*

¹⁸ *Wimmer, Cederman, and Min 2009: 335.*

¹⁹ <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.27063.29601>.

²⁰ *Fox 2004; Knutsen, 2014; Keller 2015; Shaheen 2015; Butcher and*

Тип режима

Svensson 2016; Gleditsch and Rivera 2017; Albrecht and Koehler 2020; Gleditsch et al. 2021; Медведев и Коротаев 2021; Слав и Коротаев 2021; Медведев и др. 2022; Устюжанин и Коротаев 2022; Beissinger 2022.

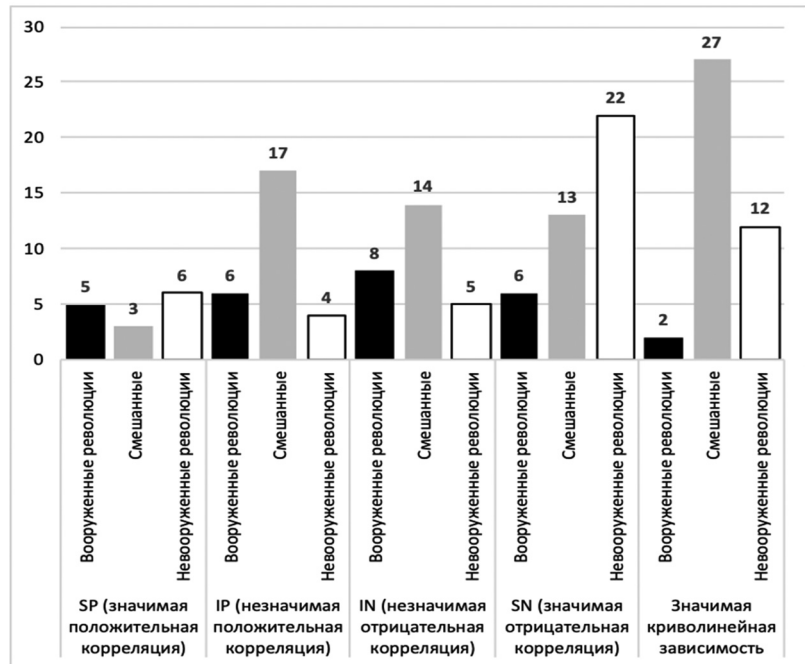
²¹ В более полном виде эти результаты, как и результаты исследований с использованием других политических факторов, представлены в онлайн-приложении (<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.27063.29601>).

Наибольшие споры относительно степени и направления влияния на риски революционной дестабилизации в современной политической науке вызывает группа факторов, связанных с типом режима, эффективностью политической системы, выбором стратегии политической борьбы, институциональным дизайном и историей складывания государства, векторами государственной политики, политической историей государства и т.д. В частности, многие исследователи утверждают, что к революциям приводят разочарование населения в способности политических лидеров достигать экономических и политических целей¹⁶, несоответствие реального управления мечтам и ожиданиям индивидов, структурные сдвиги в политической системе¹⁷, стратегические ошибки политических акторов, изъяны государственной политики¹⁸ и т.п. Для более плодотворной систематизации и классификации подобных факторов мы объединяем их в пул «политические факторы» и рассматриваем в совокупности. Однако, поскольку таких факторов очень много, нам придется ограничиться наиболее часто упоминаемыми из них. Полный перечень соответствующих переменных приведен в онлайн-приложении¹⁹.

Первый политический фактор — это уровень демократии, который использовался в качестве независимой переменной (как основной, так и контрольной) в 13 количественных исследованиях²⁰. Сводные результаты этих исследований отражены на *рис. 1*²¹.

Рисунок 1 Количество моделей с включением фактора демократии применительно к различным типам зависимой переменной²²

²² Здесь и далее к типу смешанных отнесены революции, применительно к которым разделение на вооруженные и невооруженные не проводилось. Стоит особо отметить, что в одной работе обычно представлено несколько моделей с использованием интересующей нас переменной. Поэтому число моделей, учтенных в соответствующих сравнительных диаграммах, всегда превышает число работ, на базе которых диаграммы построены.

В целом, согласно заключениям исследователей, зависимость между уровнем демократии и возникновением революций носит криволинейный характер и имеет перевернутую U-образную форму (*An Inverted U-shaped Relationship*). То есть с началом отхода от полной автократии вероятность революционной дестабилизации повышается, затем достигает некоего максимума (как правило, он приходится на так называемые анократии), а далее, по мере движения к консолидированной демократии, снижается²³.

²³ Lawson 2019; Cincotta and Weber 2021.

Данная закономерность объясняется тем, что вступившее на путь демократизации государство гораздо слабее защищено в политическом, институциональном и военном отношении, нежели полностью авторитарное. В отличие от автократов, лидеры стран с гибридными режимами часто уже недостаточно сильны или безжалостны, чтобы подавить инакомыслие и обеспечить лояльность населения, но при этом еще не могут воспользоваться всеми преимуществами консолидированной демократии вследствие институциональной дезорганизации, внутренних разногласий, недостатка политической культуры и общей незрелости гражданского общества. То же касается и государств, где произошел реверс демократии. Деконсолидирующиеся демократии

характеризуются появлением на политической сцене популистов, бросающих вызов традиционным демократическим институтам, таким как ограничение власти высших должностных лиц, система сдержек и противовесов, свободная пресса, честная и открытая политическая конкуренция. Разрушая опоры демократического режима, растущая автократизация делает его беззащитным перед лицом революционных событий²⁴.

²⁴ *Коротаяев и др. 2022; Walter 2022: 23–29; Zhdanov and Korotayev 2022.*

Как следствие, эмпирически влияние демократии на риски революционной дестабилизации нужно проверять с помощью квадратичных регрессий, так как рассмотрение данного фактора посредством линейной зависимости дает искаженную картину.

С выводом о перевернутой U-образной зависимости рисков революционной дестабилизации от уровня демократичности режима полностью коррелируют результаты тестов, свидетельствующие о статистически значимой положительной зависимости рисков революционной дестабилизации (как вооруженной, так и невооруженной) от наличия в стране анократического режима, то есть режима, промежуточного между полной автократией и полной демократией. Это неудивительно, ведь, строго говоря, гипотеза о положительной корреляции между анократией и вероятностью революционного эпизода является лишь другой операционализацией гипотезы о существовании криволинейной перевернутой U-образной зависимости между демократичностью политического режима и рисками революционной дестабилизации. Бинарный показатель переходного режима (анократии) рассматривался в шести количественных исследованиях²⁵. Сводные результаты этих исследований отражены на *рис. 2*.

²⁵ *Wimmer, Cederman, and Min 2009; Коротаяев, Исаев и Васильев 2015; Korotayev, Issaev, and Zinkina 2015; Cincotta and Weber 2021; Gleditsch et al. 2021.*

Выборы

Помимо типа режима, важным политическим фактором революционной дестабилизации оказывается проведение выборов. В 2003 г. Джеффри Гудвин высказал предположение, что в XXI в. революции прекратятся вследствие распространения демократии, сформулировав его в виде тезиса: «урна для голосования — гроб революционеров»²⁶. Действительность нашего века подтвердила эти ожидания с точностью до наоборот: интенсивность революционных событий в XXI столетии не просто не сошла на нет, но даже заметно увеличилась²⁷. При этом урна для голосования проявила себя скорее не как «гроб», а как «генератор» революционеров (особенно при наличии у заметной части общества сомнений по поводу того, что в эту урну попало).

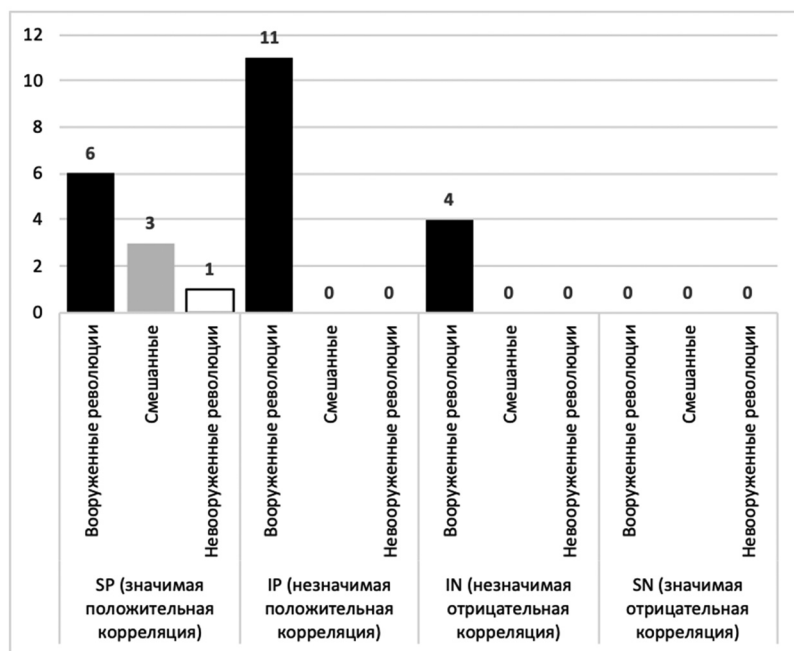
²⁶ *Goodwin 2003: 67.*

²⁷ *Голдстоун, Гринин и Коротаяев 2022.*

В целом, согласно современным исследованиям, в год выборов значительно повышается вероятность широкомасштабных протестов (вплоть до революционных). Причина в том, что в предвыборный период обостряется множество проблем и институциональных изъянов авторитарного или анократического режима, что снижает его резистентность различным формам общественного давления²⁸. Выборы не

²⁸ *Brancafi 2016: 80.*

Рисунок 2 Количество моделей с включением фактора анократии применительно к различным типам зависимой переменной

только мобилизуют недовольные общественные группы, но и способствуют информированию индивидов о наиболее уязвимых точках политической системы — коррупции, несправедливости, электоральном мошенничестве, фальсификации предпочтений, скрытом недовольстве²⁹. Иными словами, с точки зрения влияния на вероятность революционной дестабилизации и развертывания массовых протестов выборы обладают кумулятивным эффектом, что приводит к наложению друг на друга различных факторов и обстоятельств (а также долгосрочных и краткосрочных триггеров революций)³⁰.

Выборы как предиктор революционной дестабилизации рассматривались в четырех количественных исследованиях³¹. Сводные результаты этих исследований отражены на *рис. 3*.

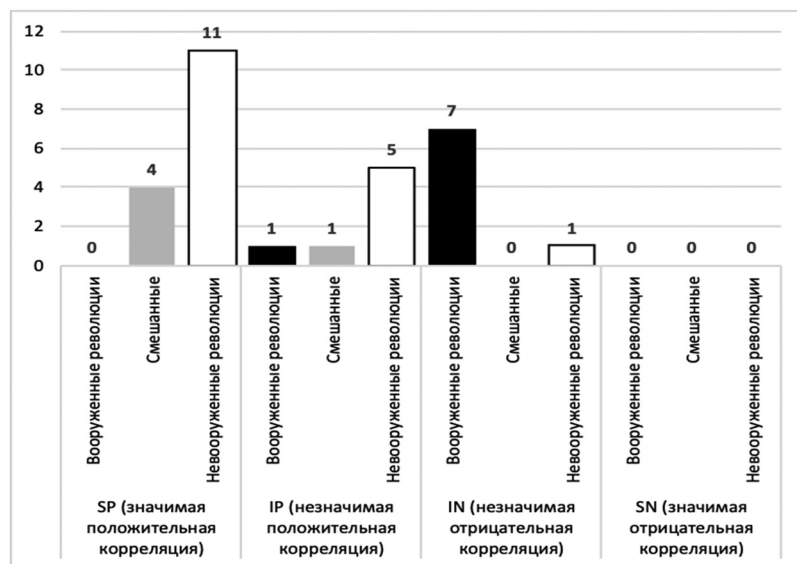
Как показывают эмпирические тесты, выборы повышают вероятность невооруженных революций, но не влияют значимо на возникновение вооруженных революционных акций. Такое положение дел может быть обусловлено тем, что выборы являются своего рода политическим амортизатором, способствуя гражданскому воспитанию населения, развивая политическую культуру и прививая индивидам склонность к цивилизованным методам политической борьбы.

²⁹ Kselman and Niou 2011: 397–400; Esteso-Pérez 2021.

³⁰ Bacallao-Pino 2016: 815; Molina 2002; Gorokhovskaia and Dollbaum 2019; Жданов и Коротаев 2022.

³¹ Butcher and Svensson 2016; Chenoweth and Ulfelder 2017; Жданов и Коротаев 2022; Медведев и др. 2022.

Рисунок 3 Количество моделей с включением фактора выборов применительно к различным типам зависимой переменной

Дискриминация и исключение из политики

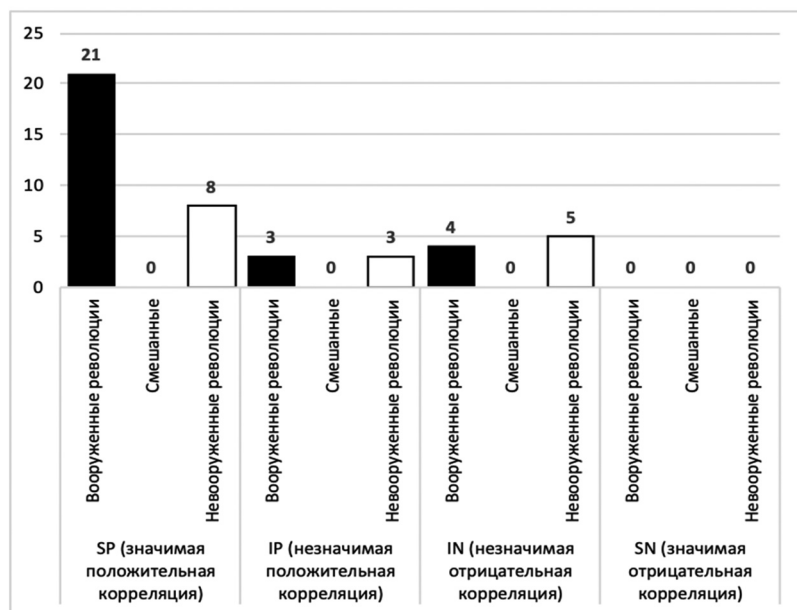
Немаловажным фактором разворачивания революционной активности является дискриминация каких-либо социальных страт. При том что неравенство присуще всем человеческим сообществам, в них всегда находятся честолюбивые индивиды, стремящиеся улучшить свое положение за счет достижений в военной, образовательной, экономической или какой-то иной сфере. Поэтому большинство обществ допускают определенную вертикальную мобильность, позволяющую интегрировать в элиту талантливых выходцев из низших слоев. В ситуации же институционализированной дискриминации каких-то социальных групп (например, простолюдинов в сословных обществах или этнических меньшинств в расовых олигархиях) происходит делегитимация режима (ввиду его очевидной несправедливости) в глазах представителей таких групп и превращение их во врагов существующего политического порядка³².

³² Goldstone 2014: 21–22.

³³ Wimmer, Cederman, and Min 2009; Butcher and Svensson 2016; Chenoweth and Ulfelder 2017; Gleditsch et al. 2021; Медведев и др. 2022.

Фактор направленной дискриминации, который в эмпирических работах принято обозначать термином «исключение» (*Exclusion*), рассматривался в пяти количественных исследованиях революционной дестабилизации³³. Сводные результаты этих исследований отражены на рис. 4. Как видно из рисунка, согласно эмпирическим тестам, проводимая государством политика дискриминации значительно повышает вероятность начала революционных выступлений, особенно вооруженных.

Рисунок 4 Количество моделей с включением фактора дискриминации применительно к различным типам зависимой переменной

Этнолингвистическая и религиозная фракционализация

Во многих исследованиях отмечается, что революциям больше подвержены государства, отличающиеся разнообразным этническим, лингвистическим и/или религиозным составом. В случае ослабления государственной власти социокультурная гетерогенность (фракционализация) может стать триггером ожесточенных политических конфликтов между представителями разных этнолингвистических или религиозных групп. Данный тренд обычно объясняют, с одной стороны, природой человека, который, согласно социобиологической концепции «этнического кумовства», склонен устанавливать долгосрочные связи (в том числе объединяться для участия в коллективных действиях) с «родственными» индивидами, а с другой — тонкостями взаимоотношений между государством и разнообразными меньшинствами, ошибки при выстраивании которых могут вызвать к жизни конфессиональные, этнические и сепаратистские выступления, в том числе революционные³⁴.

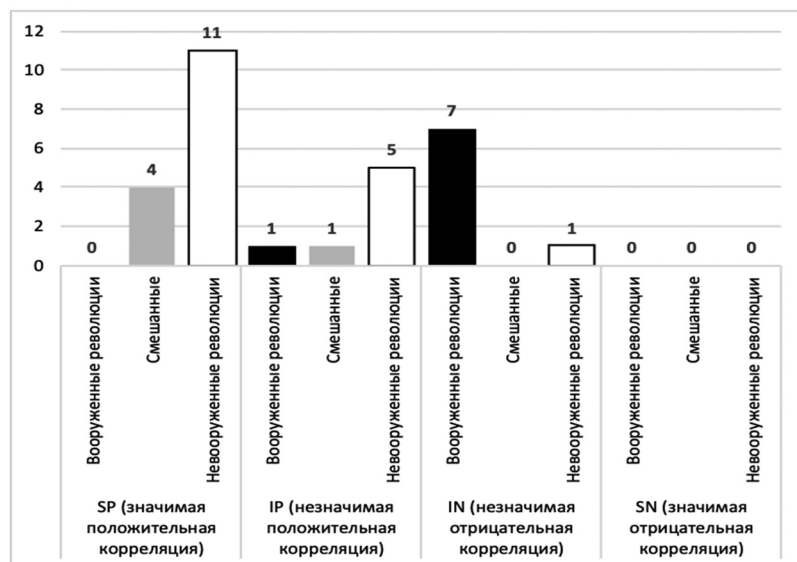
³⁴ Fearon and Laitin 2003; Wimmer, Cederman, and Min 2009: 318; Shaheen 2015: 82.

³⁵ Fox 2004; Wimmer, Cederman, and Min 2009; Knutsen 2014; Shaheen 2015; Cincotta and Weber 2021; Медведев и др. 2022.

Фракционализация как фактор революционной дестабилизации рассматривалась в шести количественных исследованиях³⁵. Сводные результаты этих исследований представлены на рис. 5.

В целом следует констатировать, что в современной политической науке нет четкого ответа на вопрос, в какой мере фракционализация общества является робастным фактором революционной дестабили-

Рисунок 5 Количество моделей с включением фактора фракционализации применительно к различным типам зависимой переменной

зации. При том что существенная доля эмпирических моделей демонстрирует значимую положительную связь между фракционализацией и революционными выступлениями (в особенности вооруженными), почти в половине случаев эта связь оказывается статистически незначимой.

Революционная диффузия

Помимо внутренних факторов возникновения революций, современная политическая наука признает также важность факторов транснациональных, самым значимым из которых является так называемая революционная диффузия (эффект революционных волн). Согласно теории революционных волн, революционные процессы могут выходить за национальные границы, повышая риск революционной дестабилизации в соседних странах. Распространение революционной волны связано, в частности, с рядом побочных эффектов революций, таких как снижение контроля над потоком оружия, экономический спад (который, возникнув в одном государстве, в условиях глобализации может затронуть целый регион или даже весь мир), экспансия новых революционных идеологий и т.д. Кроме того, успешные революции обеспечивают диссидентские группы (или политических радикалов в случае вооруженных акций) информацией о технологиях вовлечения людей в революционную борьбу, уязвимых местах тех или иных политических

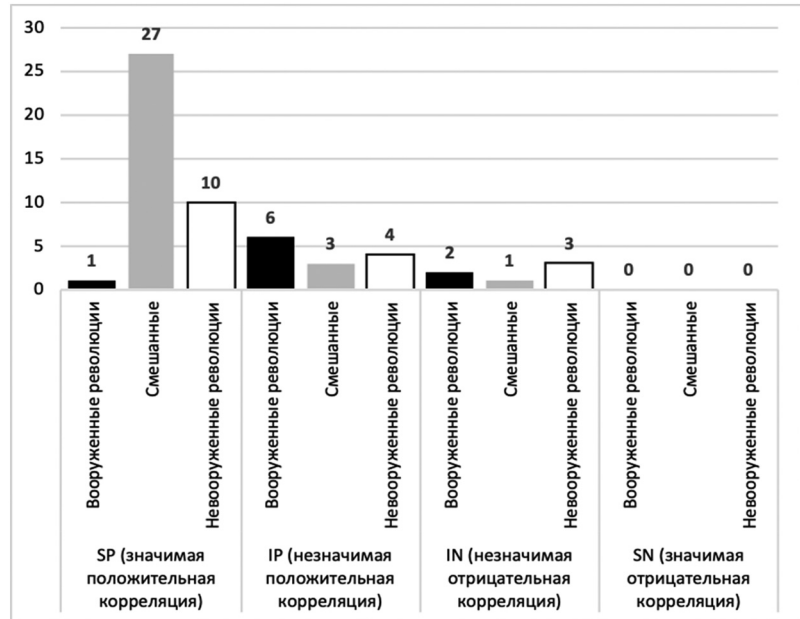
³⁶ Keller 2015: 3; Gleditsch and Rivera 2017: 1128–1129; Grinin 2022; Rozov 2022.

³⁷ Fox 2004; Knutsen 2014; Keller 2015; Chenoweth and

режимов и эффективной стратегии развертывания революционных действий. Наконец, революции в соседних странах воодушевляют недовольных и внушают им веру в собственные силы, что тоже повышает вероятность массовых выступлений³⁶.

Фактор революционной диффузии рассматривался в восьми количественных исследованиях³⁷. Сводные результаты этих исследований отражены на рис. 6.

Рисунок 6 Количество моделей с включением фактора диффузии применительно к различным типам зависимой переменной

Ulfelder 2017; Gleditsch and Rivera 2017; Albrecht and Koehler 2020; Медведев и др. 2022; Устюжанин и Коротаев 2022.

Статистический анализ фактора диффузии в целом подтверждает теорию революционных волн. Большинство эмпирических тестов показывает значимое положительное влияние, однако самих исследований явно недостаточно ввиду дефицита информации о воздействии диффузии на вооруженные революции.

Революционная инерция

В чем-то похожим на диффузию фактором революционной дестабилизации является революционная инерция. Согласно соответствующим концепциям, в стране, где в недавнем прошлом уже была революция, вероятность возникновения аналогичных событий повышается. Опыт революций помогает обществу преодолевать «фальсифи-

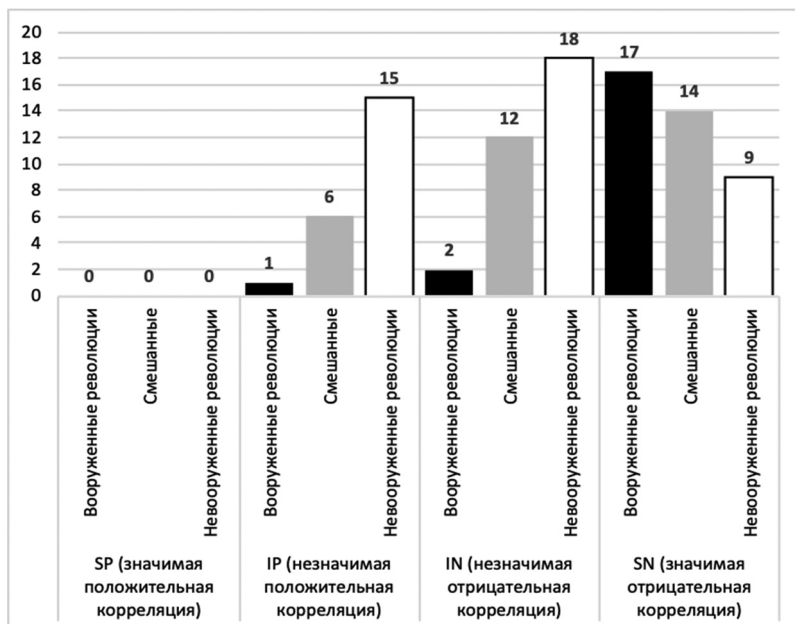
³⁸ Albrecht and Koehler 2020: 11–15.

³⁹ Knutsen 2014; Keller 2015; Butcher and Svensson 2016; Gleditsch and Rivera

кацию предпочтений», страх перед репрессиями и прочие психологические барьеры, удерживающие индивидов от участия в массовых акциях протеста³⁸.

Фактор революционной инерции рассматривался в девяти количественных исследованиях³⁹. Сводные результаты этих исследований отражены на рис. 7.

Рисунок 7 Количество моделей с включением фактора стабильности/инерции применительно к различным типам зависимой переменной

2017; Albrecht and Koehler 2020; Cincotta and Weber 2021; Gleditsch et al. 2021; Медведев и Коротав 2021; Медведев и др. 2022.

Эмпирические тесты подтверждают: чем дольше политический режим не подвергался революционным изменениям (то есть чем выше его стабильность⁴⁰), тем менее вероятно возникновение революционных ситуаций. Соответственно, подтверждается и эффект инерции — наличие революции в прошлом повышает вероятность ее возникновения в будущем.

Продолжительность пребывания инкумбента у власти

Совсем другое направление влияния показывает продолжительность пребывания инкумбента у власти. Согласно имеющимся эмпирическим исследованиям, чем дольше инкумбент находится у власти, тем выше вероятность разных типов революционной активности. Данную закономерность связывают с тем, что, когда политический лидер зани-

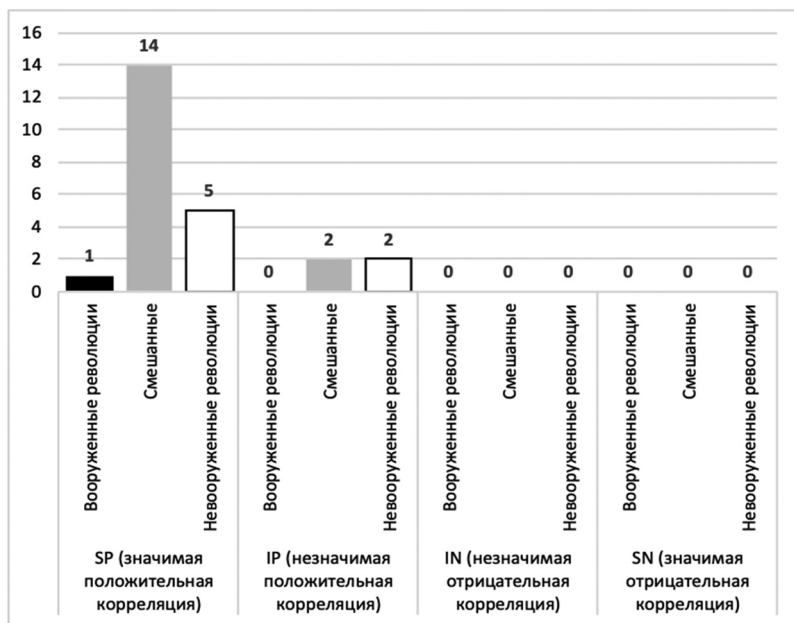
⁴⁰ Переменная «стабильность» включает в себя как отсутствие революционных акций в прошлом, так и время, в течение которого политический режим оставался неизменным.

⁴¹ Chenoweth and Ulfelder 2017: 303.

мает свой пост в течение аномально долгого времени, он утрачивает популярность (ввиду роста коррупции и накопления политических ошибок и примеров неэффективности политической системы), особенно среди новых поколений, которые первыми бросают вызов *status quo*. Недовольство среди молодежи в свою очередь становится триггером делегитимации политического режима и повышения риска его обрушения посредством революции⁴¹.

Длительность пребывания инкумбента у власти как предиктор революций рассматривалась в шести количественных исследованиях⁴². Сводные результаты этих исследований отражены на *рис. 8*.

Рисунок 8 Количество моделей с включением фактора длительности пребывания инкумбента у власти применительно к различным типам зависимой переменной

⁴² Chenoweth and Ulfelder 2017; Albrecht and Koehler 2020; Медведев и Коротаев 2021; Beissinger 2022; Медведев и др. 2022; Устюжанин и Коротаев 2022.

Как видно из рисунка, чем дольше инкумбент находится у власти, тем более вероятно начало невооруженного революционного выступления. Применительно к выступлениям вооруженным оснований для такого рода утверждений пока недостаточно.

Помимо описанных выше, современные эмпирические исследования включают в себе множество иных политических факторов революционной дестабилизации, однако для грамотного осмысления направления их влияния необходимо большее число эмпирических тестов.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что многие факторы революционной дестабилизации, выделяемые политическими теоретиками, практически однозначно подтверждаются эмпирическими исследованиями. Например, результаты оценки фактора длительности пребывания инкубента у власти демонстрируют строго положительную связь: чем дольше глава автократического или анократического государства находится у власти, тем выше вероятность революций невооруженного типа.

Стабильность (длительность существования) режима в свою очередь значительно снижает риски как вооруженной, так и невооруженной революционной дестабилизации. В случае если в недавнем прошлом в стране уже была революция, вероятность возникновения таковой повышается — это эффект революционной инерции, по всей видимости лежащий в основе феномена так называемых революционных эпох⁴³.

⁴³ См., напр. Голдстоун, Гринин и Коротаев 2022: 112.

Достаточно выраженным, но гораздо более специфичным оказывается влияние выборов, дискриминации и фракционализации. Так, если выборы повышают вероятность скорее невооруженных революций, то фракционализация и дискриминация — вооруженных. Применительно к выборам выявленную закономерность можно объяснить тем, что проведение выборов (даже сугубо формальных), с одной стороны, есть характеристика относительно цивилизованного общества, позволяющего выражать несогласие с проводимым курсом мирным путем, а с другой — способствует политической социализации населения, удерживая его от политических крайностей. Необходимо также отметить, что революции в год выборов случаются, как правило, под воздействием массовых протестов против фальсификаций, в которых участвуют интеллигенция и средний класс, не склонные к вооруженным методам борьбы⁴⁴.

⁴⁴ См., напр. Dahlum 2019; Устюжанин и др. 2022.

В свою очередь направленная дискриминация какого-либо меньшинства представляет собой настолько вопиющую несправедливость, что подчас не оставляет поля для мирного протеста. То же самое касается этнорелигиозных конфликтов (свойственных фракционализированным обществам), которые, отличаясь повышенной интенсивностью, также часто выливаются в вооруженные столкновения.

Наиболее необычным является влияние на революционную динамику типа режима. Эмпирические исследования выявляют здесь перевернутую U-образную (то есть квадратичную) зависимость для всех типов революций. Это означает, что рискам революционной дестабилизации (как вооруженной, так и невооруженной) наиболее подвержены политические режимы, занимающие промежуточное положение между полной автократией и полной демократией, то есть в частичных автократиях и частичных демократиях, или анократиях.

В целом указанные результаты помогают составить надежную классификацию известных политической науке факторов революционной дестабилизации, что создает основу для будущих эмпирических

исследований, нацеленных на разрешение проблемы асимметрии факторов революционной активности и противоречивости современных теорий революции.

Библиография

Голдстоун Дж.А. (2006) «К теории революции четвертого поколения» // *Логос*, № 5: 58—103. URL: http://intelros.ru/pdf/logos_05_2006/goldstoun_58-103_logos.pdf (проверено 01.06.2023).

Голдстоун Дж.А., Л.Е.Гринин и А.В.Коротаев. (2022) «Волны революций XXI столетия» // *Полис. Политические исследования*, № 4: 108—119. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2022/4/Polis-2022-4-Goldstone.pdf> (проверено 01.06.2023).

Жданов А.И. и А.В.Коротаев. (2022) «Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа» // *Социология власти*, т. 38, № 3—4: 102—127. URL: <https://socofpower.ganepa.ru/upload/iblock/e3c/5%20-%20Zhdanov,%20Korotaev.pdf> (проверено 03.07.2023).

Коротаев А.В., Л.Е.Гринин, И.А.Медведев и М.Слав. (2022) «Типы политических режимов и риски революционной дестабилизации в XXI веке» // *Социологическое обозрение*, т. 21, № 4: 9—65.

Коротаев А.В., Л.М.Исаев и А.М.Васильев. (2015) «Количественный анализ революционной волны 2013—2014 гг.» // *Социологические исследования*, № 8: 119—127. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2015/2015_8/Korotaev.pdf (проверено 01.06.2023).

Медведев И.А. и А.В.Коротаев. (2021) «Структурные факторы мирной и вооруженной революционной смены власти: опыт анализа методами машинного обучения» // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Вып. 12. Волгоград: Учитель: 145—189.

Медведев И.А., В.В.Устюжанин, А.И.Жданов и А.В.Коротаев. (2022) «Применение методов машинного обучения для ранжирования факторов и прогнозирования невооруженной и вооруженной революционной дестабилизации в афразийской макроне нестабильности» // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Вып. 13. Волгоград: Учитель: 131—210.

Слав М. и А.В.Коротаев. (2021) «К регрессионному анализу рисков революционной дестабилизации в афразийской макроне нестабильности в XXI веке» // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Вып. 12. Волгоград: Учитель: 219—241.

Устюжанин В.В. и А.В.Коротаев. (2022) «Регрессионное моделирование вооруженной и невооруженной революционной дестабилизации в афразийской макроне нестабильности» // *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Вып. 13. Волгоград: Учитель: 211—244.

Устюжанин В.В., Л.Е.Гринин, И.А.Медведев и А.В.Коротаев. (2022) «Образование и революции (Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму?)» // *Полит*

мия, № 1 (104): 50—71. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1\(104\)-edit-50-71.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1(104)-edit-50-71.pdf) (проверено 01.11.2022).

Ackerman P. and C.Kruegler. (1994) *Strategic Nonviolent Conflict: The Dynamics of People Power in the Twentieth Century*. Westport: Praeger.

Albrecht H. and K.Koehler. (2020) «Revolutionary Mass Uprisings in Authoritarian Regimes» // *International Area Studies Review*, vol. 23, no. 2: 135—159.

Bacallao-Pino L.M. (2016) «Redes sociales, acción colectiva y elecciones: los usos de Facebook por el movimiento estudiantil chileno durante la campaña electoral de 2013» // *Palabra Clave*, vol. 19, no. 3: 810—837.

Beissinger M.R. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton: Princeton University Press.

Brancati D. (2016) *Democracy Protests: Origins, Features, and Significance*. Cambridge: Cambridge University Press.

Butcher C. and I.Svensson. (2016) «Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 60, no. 2: 311—339.

Chenoweth E. and C.W.Shay. (2020) *List of Campaigns in NAVCO 1.3*. Cambridge (MA): Harvard Dataverse.

Chenoweth E. and M.J.Stephan. (2011) *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.

Chenoweth E. and J.Ulfelder. (2017) «Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings?» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no. 2: 298—324.

Cincotta R. and H.Weber. (2021). «Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts» // Goerres A. and P.Vanhuyse, eds. *Global Political Demography: Comparative Analyses of the Politics of Population Change in All World Regions*. Cham: Palgrave Macmillan: 57—92.

Dahlum S. (2019) «Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest» // *Comparative Political Studies*, vol. 52, no. 2: 277—309.

Davies J.C. (1962) «Toward a Theory of Revolution» // *American Sociological Review*, vol. 27, no. 1: 5—19.

Esteso-Pérez A. (2021) «Illiberalism, Revolution and the 2016 Macedonian Elections: The Effects of Social Movements on Electoral Accountability» // *Intersections*, vol. 7, no. 4: 32—51.

Fearon J. D. and D.D.Laitin. (2003) «Ethnicity, Insurgency, and Civil War» // *American Political Science Review*, vol. 97, no. 1: 75—90.

Fox J. (2004) «The Rise of Religious Nationalism and Conflict: Ethnic Conflict and Revolutionary Wars, 1945—2001» // *Journal of Peace Research*, vol. 41, no. 6: 715—731.

Gleditsch K.S. and M.Rivera. (2017) «The Diffusion of Nonviolent Campaigns» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no. 5: 1120—1145.

Gleditsch K., M.Dahl, S.Gates, and B.González. (2021) «Accounting for Numbers: Group Characteristics and the Choice of Violent and Non-

violent Tactics» // *The Economics of Peace and Security Journal*, vol. 16, no. 1: 1—49.

Goldstone J.A. (1980) «Theories of Revolution: The Third Generation» // *World Politics*, vol. 32, no. 3: 425—453.

Goldstone J.A. (2001) «Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory» // *Annual Review of Political Science*, vol. 4: 139—187.

Goldstone J.A. (2014) *Revolutions: A Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press.

Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev. (2022a) «Introduction: Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events» // Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev, eds. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 1—34.

Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev. (2022b) «The Phenomenon and Theories of Revolutions» // Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev, eds. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 37—68.

Goodwin J. (2003) «The Renewal of Socialism and the Decline of Revolution» // Foran J., ed. *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization*. London: Zed Books: 59—72.

Gorokhovskaia Y. and M.J.Dollbaum. (2019) «Russian Regional Elections» // *Russian Analytical Digest*, no. 239: 1—12.

Grinin L. (2022) «The European Revolutions and Revolutionary Waves of the 19th Century: Their Causes and Consequences» // Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev, eds. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 281—313.

Gurr T.R. (1974) «Persistence and Change in Political Systems, 1800—1971» // *American Political Science Review*, vol. 68, no. 4: 1482—1504.

Kadivar M.A. and N.Ketchley. (2018) «Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization» // *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, vol. 4, no. 1: 1—16.

Keller F. (2015) *Why Do Revolutions Spread?* APSA 2012 Annual Meeting Paper. URL: https://www.researchgate.net/publication/275954363_Why_Do_Revolutions_Spread (accessed on 01.11.2022).

Knutsen C.H. (2014) «Income Growth and Revolutions» // *Social Science Quarterly*, vol. 95, no. 4: 920—937.

Korotayev A., L.Issaev, and J.Zinkina. (2015) «Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013—2014: A Cross-National Analysis» // *Cross-Cultural Research*, vol. 49, no. 5: 461—488.

Kselman D. and E.Niou. (2011) «Protest Voting in Plurality Elections: a Theory of Voter Signaling» // *Public Choice*, vol. 148, no. 3—4: 395—418.

Kurzman Ch. (2004) «The Poststructuralist Consensus in Social Movement Theory» // Goodwin J. and J.M.Jasper, eds. *Rethinking Social Move-*

ments: Structure, Meaning, and Emotion. Lanham (MD): Rowman and Littlefield: 111–120.

Lawson G. (2019) *Anatomies of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press

Molina J.E. (2002) «The Presidential and Parliamentary Elections of the Bolivarian Revolution in Venezuela: Change and Continuity (1998–2000)» // *Bulletin of Latin American Research*, vol. 21, no. 2: 219–247.

Rozov N.S. (2022) «Typology and Principles of Dynamics of Revolutionary Waves in World History» // Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev, eds. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 241–264.

Shaheen S. (2015) *Social Uprisings: Conceptualization, Measurement, Causes and Implications*. Ph.D. diss. Marburg: Philipps-Universität Marburg.

Stephan M.J. and E.Chenoweth. (2008) «Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict» // *International Security*, vol. 33, no. 1: 7–44.

Walter B.F. (2022) *How Civil Wars Start*. New York: Crown.

Wimmer A., L.-E.Cederman, and B.Min. (2009) «Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set» // *American Sociological Review*, vol. 74, no. 2: 316–337.

Zhdanov A. and A.Korotayev. (2022) «Factors of Deconsolidation of a Liberal Democratic Regime: The Case of the United States» // *Clodynamics*, vol. 13, no. 1: 1–34.

A.V.Korotayev, A.I.Zhdanov
QUANTITATIVE ANALYSIS
OF POLITICAL FACTORS
OF REVOLUTIONARY
DESTABILIZATION
A SYSTEMATIC REVIEW

Andrey V. Korotayev — Doctor of History; Professor; Head of the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, HSE University; Chief Researcher at the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (RAS). Email: akorotaev@hse.ru.

Andrew I. Zhdanov — Intern Researcher at the Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization, HSE University. Email: aizhdanov@edu.hse.ru.

Abstract. The article presents a systematic review of the results of testing political factors of revolutionary destabilization in the works that the authors classify as the fifth generation of research on revolutions. The article demonstrates that according to the existing quantitative cross-national studies, the same political factors can have a different effect on the probability of armed uprisings, on the one hand, and unarmed revolutionary actions, on the other hand. The studies reviewed by the authors show that holding elections increases the risks of unarmed revolutionary destabilization. The diffusion effect in the modern world is more typical for unarmed than armed revolutions. Similarly, the long-serving leader acts as a trigger for unarmed rather than armed uprisings. In turn, armed revolutionary clashes occur especially often in countries characterized by ethnic and religious heterogeneity, where a significant part of the population is excluded from politics on ethno-religious grounds. The same applies to the countries that pursue a policy of discrimination directed against minorities. At the same time, there are factors that impact all types of revolutionary destabilization. The likelihood of both armed and unarmed revolutions is highest in countries with a political regime that lies in between full autocracy and full democracy, that is, in partial autocracies and partial democracies. Both armed and unarmed revolutions are more likely to occur if preceded by the similar events in the recent past (armed revolutionary uprisings increase the likelihood of new armed uprisings, while unarmed — new unarmed protests).

Keywords: revolutions, political factors of revolutionary destabilization, quantitative analysis

References

- Ackerman P. and C.Kruegler. (1994) *Strategic Nonviolent Conflict: The Dynamics of People Power in the Twentieth Century*. Westport: Praeger.
- Albrecht H. and K.Koehler. (2020) “Revolutionary Mass Uprisings in Authoritarian Regimes” // *International Area Studies Review*, vol. 23, no. 2: 135—159.
- Bacallao-Pino L.M. (2016) “Redes sociales, acción colectiva y elecciones: los usos de Facebook por el movimiento estudiantil chileno durante la campaña electoral de 2013” // *Palabra Clave*, vol. 19, no. 3: 810—837.
- Beissinger M.R. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton: Princeton University Press.
- Brancati D. (2016) *Democracy Protests: Origins, Features, and Significance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Butcher C. and I.Svensson. (2016) “Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 60, no. 2: 311—339.

Chenoweth E. and C.W.Shay. (2020) *List of Campaigns in NAVCO 1.3*. Cambridge (MA): Harvard Dataverse.

Chenoweth E. and M.J.Stephan. (2011) *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.

Chenoweth E. and J.Ulfelder. (2017) “Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings?” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no. 2: 298–324.

Cincotta R. and H.Weber. (2021). “Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts” // Goerres A. and P.Vanhuyse, eds. *Global Political Demography: Comparative Analyses of the Politics of Population Change in All World Regions*. Cham: Palgrave Macmillan: 57–92.

Dahlum S. (2019) “Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest” // *Comparative Political Studies*, vol. 52, no. 2: 277–309.

Davies J. C. (1962) “Toward a Theory of Revolution” // *American Sociological Review*, vol. 27, no. 1: 5–19.

Esteso-Pérez A. (2021) “Illiberalism, Revolution and the 2016 Macedonian Elections: The Effects of Social Movements on Electoral Accountability” // *Intersections*, vol. 7, no. 4: 32–51.

Fearon J. D. and D.D.Laitin. (2003) “Ethnicity, Insurgency, and Civil War” // *American Political Science Review*, vol. 97, no. 1: 75–90.

Fox J. (2004) “The Rise of Religious Nationalism and Conflict: Ethnic Conflict and Revolutionary Wars, 1945–2001” // *Journal of Peace Research*, vol. 41, no. 6: 715–731.

Gleditsch K., M.Dahl, S.Gates, and B.González. (2021) “Accounting for Numbers: Group Characteristics and the Choice of Violent and Nonviolent Tactics” // *The Economics of Peace and Security Journal*, vol. 16, no. 1: 1–49.

Gleditsch K.S. and M.Rivera. (2017) “The Diffusion of Nonviolent Campaigns” // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 61, no. 5: 1120–1145.

Goldstone J.A. (1980) “Theories of Revolution: The Third Generation” // *World Politics*, vol. 32, no. 3: 425–453.

Goldstone J.A. (2001) “Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory” // *Annual Review of Political Science*, vol. 4: 139–187.

Goldstone J.A. (2006) “K teorii revolutsii chetvertogo pokolenija” [Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory] // *Logos*, no. 5: 58–103. URL: http://intelros.ru/pdf/logos_05_2006/goldstoun_58-103_logos.pdf (accessed on 01.06.2023). (In Russ.)

Goldstone J.A. (2014) *Revolutions: A Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press.

Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev. (2022) “Volny revoljutsij 21 stoletija” [Waves of Revolutions in the 21st Century] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 4: 108–119. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2022/4/Polis-2022-4-Goldstone.pdf> (accessed on 01.06.2023). (In Russ.)

Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev. (2022a) “Introduction: Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events” // Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev, eds. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 1–34.

Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev. (2022b) “The Phenomenon and Theories of Revolutions” // Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev, eds. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 37–68.

Goodwin J. (2003) “The Renewal of Socialism and the Decline of Revolution” // Foran J., ed. *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization*. London: Zed Books: 59–72.

Gorokhovskaia Ya. and M.J.Dollbaum. (2019) “Russian Regional Elections” // *Russian Analytical Digest*, no. 239: 1–12.

Grinin L. (2022) “The European Revolutions and Revolutionary Waves of the 19th Century: Their Causes and Consequences” // Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev, eds. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 281–313.

Gurr T.R. (1974) “Persistence and Change in Political Systems, 1800–1971” // *American Political Science Review*, vol. 68, no. 4: 1482–1504.

Kadivar M.A. and N.Ketchley. (2018) “Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization” // *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, vol. 4, no. 1: 1–16.

Keller F. (2015) *(Why) Do Revolutions Spread?* APSA 2012 Annual Meeting Paper. URL: https://www.researchgate.net/publication/275954363_Why_Do_Revolutions_Spread (accessed on 01.11.2022).

Knutsen C.H. (2014) “Income Growth and Revolutions” // *Social Science Quarterly*, vol. 95, no. 4: 920–937.

Korotayev A., L.Issaev, and A.Vasiliev. (2015) “Kolichestvennyj analiz revoljucionnoj volny 2013–2014 gg.” [Quantitative Analysis of 2013–2014 Revolutionary Wave] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 8: 119–127. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2015/2015_8/Korotaev.pdf (accessed on 01.06.2023). (In Russ.)

Korotayev A., L.Issaev, and J.Zinkina. (2015) “Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National Analysis” // *Cross-Cultural Research*, vol. 49, no. 5: 461–488.

Korotayev A.V., L.E.Grinin, I.A.Medvedev, and M.Slav. (2022) “Tipy politicheskikh rezhimov i riski revoljucionnoj destabilizatsii v 21 veke” [Political Regime Types and Revolutionary Destabilization Risks in the Twenty-First Century] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 21, no. 2: 9–65. (In Russ.)

Kselman D. and E.Niou. (2011) “Protest Voting in Plurality Elections: a Theory of Voter Signaling” // *Public Choice*, vol. 148, no. 3–4: 395–418.

Kurzman Ch. (2004) “The Poststructuralist Consensus in Social Movement Theory” // Goodwin J. and J.M.Jasper, eds. *Rethinking Social Movements: Structure, Meaning, and Emotion*. Lanham (MD): Rowman and Littlefield: 111—120.

Lawson G. (2019) *Anatomies of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.

Medvedev I.A. and A.V.Korotayev. (2021) “Strukturnye faktory mirnoj i vooruzhennoj revoljucionnoj smeny vlasti: opyt analiza metodami mashinogo obuchenija” [Structural Factors of Peaceful and Armed Revolutionary Change of Power: An Experience of Analysis by Machine Learning Methods] // *Sistemnyj monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks]. Issue 12. Volgograd: Uchitel': 145—189. (In Russ.)

Medvedev I.A., V.V.Ustyuzhanin, A.I.Zhdanov, and A.V.Korotayev. (2022) “Primenenie metodov mashinnogo obuchenija dlja ranzhirovaniya faktorov i prognozirovaniya nevooruzhennoj i vooruzhennoj revoljucionnoj destabilizatsii v afrazijskoj makrozone nestabil'nosti” [Application of Machine Learning Methods to Rank Factors and Predict Unarmed and Armed Revolutionary Destabilization in the Afrasian Macrozone of Instability] // *Sistemnyj monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks]. Issue 13. Volgograd: Uchitel': 131—210. (In Russ.)

Molina J.E. (2002) “The Presidential and Parliamentary Elections of the Bolivarian Revolution in Venezuela: Change and Continuity (1998—2000)” // *Bulletin of Latin American Research*, vol. 21, no. 2: 219—247.

Rozov N.S. (2022) “Typology and Principles of Dynamics of Revolutionary Waves in World History” // Goldstone J.A., L.Grinin, and A.Korotayev, eds. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 241—264.

Shaheen S. (2015) *Social Uprisings: Conceptualization, Measurement, Causes and Implications*. Ph.D. diss. Marburg: Philipps-Universität Marburg.

Slav M. and A.V.Korotayev. (2021) “K regressionnomu analizu riskov revoljucionnoj destabilizatsii v afrazijskoj makrozone nestabil'nosti v 21 veke” [Toward a Regression Analysis of the Risks of Revolutionary Destabilization in the Afrasian Macrozone of Instability in the 21st Century] // *Sistemnyj monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks]. Issue 12. Volgograd: Uchitel': 219—241. (In Russ.)

Stephan M.J. and E.Chenoweth. (2008) “Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict” // *International Security*, vol. 33, no. 1: 7—44.

Ustyuzhanin V.V. and A.V.Korotayev. (2022) “Regressionnoe modelirovanie vooruzhennoj i nevooruzhennoj revoljucionnoj destabilizatsii v afrazijskoj makrozone nestabil'nosti” [Regression Modeling of Armed and Unarmed Revolutionary Destabilization in the Afrasian Macrozone of Instabili-

ty] // *Sistemnyj monitoring global'nykh i regional'nykh riskov* [Systemic Monitoring of Global and Regional Risks]. Issue 13. Volgograd: Uchitel': 211–244. (In Russ.)

Ustyuzhanin V.V., L.E.Grinin, I.A.Medvedev, and A.V.Korotayev. (2022) “Obrazovanie i revoljutsii (Pochemu revoljutsionnye vystuplenija prini-majut vooruzhennuju ili nevooruzhennuju formu?)” [Education and Revolu-tions (Why Do Some Revolutions Take up Arms while Others Do Not?)] // *Politeia*, no. 1 (104): 50–71. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1\(104\)-edit-50-71.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-1(104)-edit-50-71.pdf) (accessed on 01.06.2023). (In Russ.)

Walter B.F. (2022) *How Civil Wars Start*. New York: Crown.

Wimmer A., L.-E.Cederman, and B.Min. (2009) “Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set” // *American Sociological Review*, vol. 74, no. 2: 316–337.

Zhdanov A. and A.Korotayev. (2022) “Factors of Deconsolidation of a Liberal Democratic Regime: The Case of the United States” // *Cliodynamics*, vol. 13, no. 1: 1–34.

Zhdanov A.I. and A.V.Korotayev. (2022) “Vyborny, tip rezhima i riski revoljutsionnoj destabilizatsii: opyt kolichestvennogo analiza” [Elections, Re-gime Type and Risks of Revolutionary Destabilization: A Quantitative Analy-sis] // *Sotsiologija vlasti* [Sociology of Power], no. 3–4: 102–127. URL: <https://socofpower.ranepa.ru/upload/iblock/e3c/5%20-%20Zhdanov,%20Korotayev.pdf> (проверено 03.07.2023). (In Russ.)